

АНАСТАСИЯ ТОПЧИЙ

ПЛОХАЯ
примета

Анастасия Топчий

Плохая примета

«Автор»

2026

Топчий А.

Плохая примета / А. Топчий — «Автор», 2026

Что будет, если древний артефакт попадет не в те руки? Случится конец света. Капитан Фрэнсис заполучил таинственный сундук, и с тех пор его команду начали сопровождать одни неприятности. А когда на корабле появляется женщина, пираты начинают сходить с ума от суеверий, не замечая под носом настоящей опасности. "Плохая примета" - это рассказ-сатира о том, как простая человеческая глупость может привести к катастрофе.

© Топчий А., 2026

© Автор, 2026

Анастасия Топчий

Плохая примета

Я не должен был попасть в море.

То есть, если рассуждать по справедливости, мое место было при ведре, швабре и хозяйкином дурном нраве, а не среди пушек и парусов. До моря я служил в таверне и знал о кораблях главным образом две вещи: во-первых, что на них есть капитаны в шляпах, а во-вторых, что на суше от моряков всегда больше луж, чем от дождя.

Я мыл полы, таскал помой, собирал посуду, увертывался от подзатыльников и, если день выдавался особенно удачный, успевал доесть за кем-нибудь кусок пирога, прежде чем его утащит крыса. О другой жизни я и не мечтал, и если в ней чего и не хватало, так это только денег. Но судьба решила, что этого на мою худую душонку недостаточно.

В тот вечер в таверне было людно. Стояла такая густая вонь, что ее можно было резать ножом и подавать особо голодным. Моряки орали, грузчики спорили, кто-то пел про девицу в Бристоле, сгубившую уже три флота и одного епископа, а я ползал под столом, выживая оттуда опрокинутую кружку. И вдруг у дверей началась драка.

Началась она, как и большинство хороших драк, с сущего пустяка. Один другого назвал вором, а тот заявил, что это клевета, и дальше разговор продолжился уже кулаками. Стулья полетели почти сразу. Я сколотил их только сегодня утром после предыдущего побоища, поэтому был раздосадован обесцениванием моего труда. Один моряк впечатался носом в стойку так звучно, будто какой-нибудь святой ударил в колокол, забирая бездыханное тело на небеса прямо отсюда. Хозяйка закричала, что всех в этой потасовке переживет и каждого потом обсчитает отдельно.

Я, человек мирный и обделенный развитой мускулатурой, засел поглубже в угол. И именно оттуда я впервые увидел капитана Фрэнсиса.

Тогда я еще не осознавал, что этот человек станет примером того, как иногда опасно давать взрослому мужчине ром и возможность самостоятельно принимать решения. Он выглядел просто высоким и усталым бродягой, который не доверял ни врагам, ни друзьям. На нем уже висело двое пьяниц, а третий заносил над ним мою швабру. Не знаю, что вдруг на меня нашло. Может, жалость. Зная себя, скорее даже глупость. А вероятнее всего, я просто очень дорожил этой шваброй. Как бы там ни было, я вынырнул из своего укрытия, вцепился в зависший в воздухе черенок и с перепугу ткнул им пьяного забияку.

Тот взвыл.

Капитан Фрэнсис вывернулся, схватил второго за ворот, впечатал его в стену и уставился на меня так, словно не мог понять, откуда я такой взялся, с боевой шваброй.

— Ты чей? — вымолвил он. На удивление, разговаривал он четко, и мне даже подумалось, что он не пьяный, а сонный.

Я хотел сказать, что, строго говоря, хозяйкин, но тут в нас полетел табурет, и отвечать стало некогда.

Помню все это отрывками: как я пригнулся; как капитан взял со стойки бутылку за горлышко и применил ее совсем не для того, для чего ее откупоривали; как кто-то наступил мне на руку; как я, обидевшись, огрел его ведром; как хозяйка визжала, что если мы проломим еще хоть одну лавку, она вызовет констебля, дьявола и моего покойного отца в любом порядке.

В конце концов драка выдохлась. Побитые выпивохи валялись на полу, стонали и клялись, что завтра непременно отомстят. А сегодня уже не могли, потому что у них съехали носы или растерялись ботинки.

Капитан Фрэнсис сидел у стены, прижимая ладонь к боку, и разглядывал меня все с тем же странным интересом.

— Это ты меня спас?

— Не нарочно, сэр, — честно ответил я.

Он вдруг расхохотался. Смех у него был хриплый, прокуренный, но обладающий каким-то особенным притяжением.

Фрэнсис потребовал рому, но не получил его. Хозяйка заявила, что сперва мне нужно содрать с него деньги за две кружки, одну лавку и поруганную честь заведения. И потому вместо рома я принес воду.

Капитан заглянул в кружку так, словно я нанес ему личное оскорбление.

— Это что?

— Вода, сэр.

— Я вижу, что не сокровища Индии.

— Хозяйка велела сперва заплатить.

Он снова посмотрел на меня, уже внимательнее.

— А ты честный, что ли?

— Бедный, сэр, — признался я. — У бедных это одно и то же.

Кажется, это ему понравилось.

Наутро, когда я мыл пол после вчерашней доблести, в таверну снова вошел Фрэнсис — уже не такой пьяный, но все еще достаточно мрачный. Он постоял, глядя, как я орудую тряпкой, затем бросил:

— Как тебя зовут?

— Генри Тью, сэр.

— Хочешь в море, Генри Тью?

Если бы я был умнее, я бы насторожился. Все большие беды в жизни начинаются с вопросов, на которые очень хочется ответить «да». Но мне было столько лет, сколько бывает у мальчишек, считающих приключение ремеслом, а голод — временной неприятностью.

— Хочу, сэр.

— Отлично. Полы мыть умеешь. От драк не убегаешь. Вовремя молчишь. Для юнги сойдет.

— А жалованье?

— Если не сдохнешь, будет.

Я подумал, что это не самое щедрое предложение на свете, но все же гораздо лучше, чем от хозяйки, которая платила мне так мало, что порой мне казалось, она выдаст мне распиленную напополам монету.

— А корабль хороший? — зачем-то уточнил я.

Фрэнсис пожал плечами.

— Пока не тонет.

Это мне тогда показалось шуткой.

Я вытер руки о передник и оглядел таверну: стойка, ведра, пол, который знал меня лучше, чем любой человек... и подумал, что жизнь, должно быть, наконец решила дать мне шанс.

Она и дала, но, кажется, я с ним не справился.

Корабль назывался «Морская вдова». Как и любой другой, он казался прекрасным уже хотя бы потому, что имел мачты, пушки и возможность увезти меня подальше от прежней жизни.

Увидел я его на рассвете.

Он был пришвартован у причала: темный, засмоленный, будто только что вышел из пожара, а не из воды. Вокруг пирса с криками носились чайки, насмехаясь над похмельем

команды. Матросы таскали на борт бочки, тюки, мешки и ругательства — причем последние особенно усердно. Тут меня и озарило: никакие это не торговцы, а самые настоящие пираты. Я опешил и уставился на Фрэнсиса, но капитану было не до меня. Бояться в одиночку оказалось скучно, так что я быстро свылся и даже возгордился собственной храбростью. Я начал прикидывать, как имя Генри Тью зазвучит в легендах о бесстрашных морских волках. Без упоминания боевой швабры, само собой.

Мне велели не путаться под ногами, а потому я, разумеется, немедленно стал путаться именно там, где происходило самое интересное.

Поначалу груз был обычный: ром, сухари, порох, свертки ткани, какие-то ящики без надписей, слишком увесистые для вина и слишком плохо пахнущие для табака. Все это меня занимало ровно до тех пор, пока четверо матросов не вынесли из телеги сундук.

Я сперва решил, что это гроб. Он был длинный, темный, обитый железом и так густо замазанный смолой по швам, что стало ясно: тот, кто его запирает, не доверял ни замкам, ни гвоздям, ни самой природе дерева. Поперек крышки шли две широкие полосы железа с выбитыми знаками, которых я прежде не видел: круги, крюки, волны, какие-то черты, похожие на когти, и еще один знак вроде глаза, если бы глаз мог смотреть со дна колодца.

Сундук несли осторожнее, чем все остальное добро на корабле.

— Левей, дубина, — прошипел один из матросов. — Левей, говорю! Если треснет, я рядом с тобой стоять не стану.

— Вот и не стой, — буркнул другой. — Я за него вообще браться не хотел.

— Так не брался бы.

Я стоял у бочки с солониной и глазел, разинув рот.

— А что там? — сунулся я к рыжему матросу с распухшим носом, который как раз переводил дух.

Он поглядел на меня, прикидывая, не утопить ли меня заранее, для спокойствия.

— Твое сиротское счастье, — сказал он.

— Оно тяжелое?

— Смертельно.

С этим я спорить не стал.

Сундук опустили у сходней, и даже тогда никто не хлопнул по нему ладонью и не сел сверху. Капитан Фрэнсис распорядился спрятать его в трюм, подальше от света и чужих рук, что набивало грузу еще большую цену.

— Дорога штука, сэр? — рискнул спросить кто-то.

Фрэнсис покосился на него.

— Дороже твоего ума, Пул.

— Это не так уж много, сэр, — отозвался матрос, и несколько человек коротко хмыкнули.

Сундук понесли в трюм. Когда его тащили мимо меня, я уловил странный запах — не то тины, не то железа. В нем было что-то глубокое, холодное и старое, как если бы этот ящик до сегодняшнего дня лежал там, куда солнце не заглядывает вовсе.

Я невольно поежился.

Возле меня вдруг вырос старый моряк по имени Хобб, у которого было столько морщин, будто его много лет держали в сложенном виде, и пробормотал:

— Не люблю я такие вещи.

— Какие такие? — уточнил я, стараясь скрыть, как испугался его внезапного появления.

— Которые денег стоят больше, чем радости приносят.

Я подумал, что это очень взрослая мысль и мне до нее еще расти и расти. Позже я узнал, что старик ее просто где-то подслушал и повторял по всякому поводу, как и множество других присказок.

Потом случилась кошка.

Откуда она взялась на причале, не знаю. Черная, как сажа в камине, тощая, с обрубленным хвостом и наглой мордой, ясно дающей понять, что ей все равно, какие у нас тут дела. Она выскочила из-за груды канатов и перебежала капитану Фрэнсису дорогу так близко, что чуть не задела сапог. Намеренно, чтобы грозный человек точно заметил ее.

Я увидел это отчетливо.

Капитан замер всего на миг. Он уставился перед собой так остро, что и без слов стало понятно, что он изрежет всякого, кто сейчас заикнется про примету. Лицо же у него не изменилось, осанка тоже, только пальцы на рукояти сабли сжались настолько, что побелели костяшки.

Никто не обронил ни звука. Только один матрос сплюнул через левое плечо.

А я понимал, что кричать «кошка!» уже поздно и глупо, поэтому просто застыл, ощущая, как по спине побежали мурашки.

Капитан проводил животное недовольным прищуром, подавив в себе желание швырнуть нахалку туда, откуда она пришла, и рявкнул:

— Чего встали? Груз сам себя не утащит.

Работа немедленно продолжилась, но уже иначе. До того матросы ругались от привычки, а теперь — лишь бы не молчать. Команда стала дерганой. Кто-то от волнения уронил начатую бутылку рома и тут же получил в челюсть.

Я подошел к сходням под мерный плеск воды, бившейся о сваи.

— Это очень плохая примета? — робко спросил я у Хобба. Мне показалось, раз он заговорил со мной, значит, мы подружились.

Он глянул на меня с жалостью, какую старики иногда испытывают к молодым.

— Сынок, — крикнул он, — в море все плохая примета.

Я ничего не понял, но переспрашивать не стал.

К полудню «Морская вдова» отошла от причала, увозя с собой меня, капитана, сундук в трюме и черную кошку в памяти у всей команды.

И если бы беда имела обыкновение стучать перед тем, как войти, то, надо признать, в тот день она была достаточно вежлива.

Первые часы в море я провел так, как и положено юнге, то есть бесполезно и под чужие окрики.

Мне казалось, что стоит только взойти на корабль, и жизнь сама объяснит, что к чему: где стоять, за что хвататься, как смотреть вдаль. На деле же выяснилось, что палубу надо драить, канаты таскать, а главное — мгновенно понимать приказы, которые на суше никто не решился бы назвать человеческой речью.

Капитан Фрэнсис ходил мрачнее тучи и трезвее, чем хотелось бы. Команда слушалась его без споров и пререканий.

Море в тот день было обманчиво спокойным. Волны шли ровно, небо висело чистое, и вся эта порядочность природы раздражала капитана почти так же, как пугает слишком вежливый ростовщик. После плохой приметы человеку хочется, чтобы и мир вокруг выглядел соответственно. Тогда хотя бы ясно, чего бояться. А когда все тихо, начинаешь подозревать, что несчастье просто крадется на цыпочках.

Я нес ведро и думал эти очень глубокие для моего возраста мысли, когда у кормовой надстройки раздался глухой стук: прямо в окно каюты с размаху врезалась птица.

Удар был такой резкий, что я сам чуть не уронил ведро за борт. Оглушенная птица сползла по стеклу и шлепнулась мне под ноги, растопырив крылья, как дурная весть, которой приделали перья.

Все вокруг оцепенели.

— Господи помилуй, — пробормотал кто-то.

— Только не это, — выдохнул другой.

Хобб сплюнул и отвернулся, будто судьбе было важно, видишь ты ее знаки или нет.

Птицу еще не успели убрать, а команда — толком договориться, считать ли это просто плохим знамением или уже почти приговором, как снизу донесся быстрый топот.

Из трюма выбежала девушка.

Она была растрепанная, без шляпки, с выбившимися из заколки волосами, в дорожном платье, которое явно знавало лучшие времена, и с такой миной, будто внизу ей показали что-то неприличное.

Незнакомка не стала просить помощи, не ахнула, не упала в обморок, как на ее месте поступила бы, по моему тогдашнему разумению, всякая порядочная леди, внезапно оказавшаяся на пиратском судне. Нет. Она вылетела на середину палубы, вскинула руки и обругала каждого присутствующего так, что даже море на миг перестало плескаться:

— Вы в своем уме? Эту вещь вообще нельзя трогать! Ее надо похоронить и забыть, что она существовала!

Я, признаться, сделал единственное, что пришло мне в голову при виде девушки на корабле: перекрестился.

Пул, оказавшийся рядом со мной, побледнел, открыл рот, как выброшенная на берег рыба, и вдруг рухнул в обморок.

Все остальные ошалело таращились на нее.

А она — на нас.

Фрэнсис стоял у грот-мачты и сперва, кажется, просто не понял, что именно видит перед собой. Он присматривался к беглянке, не скрывая недоумения, злости и подозрения. Заминка получилась такой долгой и неуклюжей, что девушка поумерила пыл и принялась нервно поправлять растрепанные волосы.

Капитан помрачнел.

— Это что такое? — спросил он так тихо, что стало страшнее, чем если бы он заорал.

Незнакомка перевела на него взгляд и, к моему удивлению, ничуть не смутилась.

— Там, — заявила она, ткнув пальцем в люк, — Вещь, которую нельзя везти на корабле. Нельзя держать в порту, нельзя продавать, делить, прятать и даже показывать таким людям, как вы.

Несколько матросов шумно втянули воздух.

Я бы на ее месте уже извинялся, плакал или хотя бы делал вид, что умер. Но она говорила с капитаном пиратов как с кухаркой, пойманной за попыткой сварить башмак.

Фрэнсис шагнул к ней навстречу.

— Как ты сюда попала?

— Через борт, надо полагать, — ответила она. — У вас на редкость пьяная охрана.

У старика Хобба дернулся уголок рта.

— Кто ты такая? — гаркнул капитан, теряя терпение.

— Человек поумнее всех вас вместе взятых, если вы и впрямь вздумали тащить *это* дальше по морю.

Команда зашевелилась. Несколько моряков обступили девицу, готовясь по приказу скрутить ее, а то и выбросить за борт.

Я замер со своим ведром в обнимку и думал, что если до этого момента день еще можно было как-нибудь выправить, то теперь он, кажется, был обречен.

— Еще раз, — вымолвил Фрэнсис, и его низкий голос внезапно дрогнул. — Кто. Ты. Такая.

Беглянка вскинула подбородок.

— Энни Рид, — она расправила складки дорожного платья с достоинством, будто стояла на приеме у губернатора, а не перед человеком, у которого на поясе висела сабля с неомытыми следами чьей-то чужой жизни. — И если вы думаете, что ваши угрозы производят на меня впечатление, капитан, то вы ошибаетесь. После трех лет в университете меня трудно испугать необразованными мужчинами.

Я тихонько икнул. Хобб у двери усмехнулся и тут же закашлялся, делая вид, что подавился табачным дымом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.